

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ СТИЛЯ Б. АКУНИНА
КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ МИДДЛ-ЛИТЕРАТУРЫ**

Ковальова К.Л.

**ЛІНГВІСТИЧНІ МАРКЕРИ СТИЛЮ Б. АКУНІНА ЯК
ПРЕДСТАВНИКА МІДДЛ-ЛІТЕРАТУРИ**

Статтю присвячено специфіці стилю Б. Акуніна як представника міддл-літератури, зокрема лінгвістичним засобам інтертекстуальності та стилізації. Розглядаються способи маркування аллюзивної інформації.

Ключові слова: міддл-література, інтертекстуальність, стилізація, стиль, аллюзія.

Ковалёва К.Л.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ СТИЛЯ Б. АКУНИНА КАК
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ МИДДЛ-ЛИТЕРАТУРЫ**

Статья посвящена специфике стиля произведений Б. Акунина как представителя миддл-литературы, в частности лингвистическим средствам интертекстуальности и стилизации. Рассматриваются способы маркирования аллюзивной информации.

Ключевые слова: миддл-литература, интертекстуальность, стилизация, стиль, аллюзия.

Kovalyova K.L.

**LINGUISTIC MARKERS OF THE STYLE OF BORIS AKUNIN AS A
REPRESENTATIVE OF MIDDLE-LITERATURE**

The article is devoted to the specifics of the style of Boris Akunin as a representative of middle-literature particularly linguistic means of intertextuality and pastiche. The methods of allusive information marking is considered.

Key words: middle-literature, intertextuality, pastiche, style, allusion, quotation.

...текст бесконечно открыт в бесконечность.

Р. Барт

Произведения любого талантливого писателя интересны и узнаваемы. Таковыми, на наш взгляд, являются романы и повести Б. Акунина, выделяющиеся из большого количества появившихся в последнее время

произведений детективного жанра. Именно поэтому представляет интерес исследование истоков их самобытности.

Индивидуальный стиль создается, как известно, прежде всего, отбором, использованием и комбинированием определенных языковых средств и приемов.

Целью данной статьи является краткое, обзорное (в силу ограниченности объема) описание основных текстовых и языковых маркеров стиля Б. Акунина.

Как отмечают многие исследователи творчества Б. Акунина, его произведения – многослойные, многоуровневые. Их особенностью является органическое слияние и переплетение черт «массовой» и «элитарной» литературы. С «высокой» литературой его произведения роднят такие черты, как многоуровневость (или двойное кодирование), игра с виртуальной реальностью, идеальный образ главного героя, имеющего глубокий внутренний мир, и язык, точный и изящный. С другой стороны, установка на развлекательность, стереотипность сюжетов, «happy end», обеспечивающие простоту восприятия, – характерная особенность «массовой» литературы.

Такая двойственность, на наш взгляд, позволяет отнести «криминальные романы» Б. Акунина к так называемой «миддл-литературе», которую в настоящее время некоторые ученые, в частности С. Чупринин, выделяют как промежуточный между «массовой» и «элитарной» литературой пласт и к которой относят как «облегченные» варианты высокой литературы, не требующие от читателей особых духовных и интеллектуальных усилий при восприятии, так и формы «массовой» литературы, отличающиеся высоким исполнительским качеством и направленные на формирование хорошего вкуса [11].

Говоря о многоуровневости повестей Б. Акунина, критик Л. Данилкин указывает на существование нескольких пластов в текстовой структуре: верхний – «наивный», «лубочный»; следующий слой – собственно детективный, строится на сюжетных ситуациях; последний – собственно

литературный, где чтение предстает узнаванием других текстов, сцен, шествий, приемов [3].

Связи с другими текстами, событиями, использование характерных узнаваемых приемов другого автора характеризуются в лингвистике как интертекстуальные связи, но однозначного определения их пока не существует.

Одни ученые (Р. Барт, Ю. Кристева [8]) рассматривают интертекстуальность как взаимодействие всех знаковых текстов, другие (Л. Дэлленбах, П. Ван ден Хевель [8]) трактуют ее более узко и конкретно — как взаимодействие различных видов внутритекстовых дискурсов, т.е. их интересует та же проблема, что и в свое время М. Бахтина, который говорил о диалогичности текстов, – взаимодействие «своего» и «чужого» слова [1]. Ж. Женетт об интертекстуальных отношениях говорит как о палимпсесте, проступающем сквозь семантику текста [10].

Об интертекстуальности романов Б. Акунина, о специфике их диалогичности писали неоднократно, но исследования проводились с литературоведческой точки зрения. А. Ранчин в статье «Романы Б. Акунина и классическая традиция» детально исследует поэтику «фандоринского» цикла, выявляет как соотнесенность повестей и романов с «высокой» литературой — произведениями А. Куприна, Н. Лескова, Ф. Достоевского, Н. Гоголя, Л. Толстого, А. Пушкина, У. Эко, так и их место в детективно-авантюрной традиции — повестями и романами Э. По, А. Кристи, К. Дойля и др. [7]. Языковые же особенности стиля Б. Акунина, в том числе и маркеры интертекстуальности не получили еще достаточного освещения.

Как известно, интертекстуальность основывается не только на лексических совпадениях, но и на структурном сходстве [8]. В основе интертекстуальности лежит многоуровневая связь частей текста между собой, текстов одного автора с другими текстами данного автора, а также связь текстов на межтекстовом уровне. Но именно связь с претекстами обеспечивает возможность разноуровневого прочтения произведения.

По мнению В.Е. Чернявской, об интертекстуальности текста следует говорить в том случае, «когда автор намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя» [9, 187], применяя определенные маркеры.

«Маркированность подразумевает наличие на фонетическом, лексическом, синтаксическом, композиционном уровне лингвистических сигналов межтекстового диалога» [9, 197]. Основными проявлениями интертекстуальности в произведениях Б. Акунина являются цитата, аллюзия, литературная реминисценция, текст-вкрапление, иностилевые вкрапления, намек, имитация, пародия. Остановимся на некоторых из них.

Наиболее частотной в текстах Б. Акунина является аллюзия. К.Р. Новожилова дает следующее определение этого явления: «Аллюзия представляет собой риторическую фигуру, которая отсылает к предметной ситуации других текстов... Аллюзия выражается скрытой, анонимной цитатой и содержит в себе намек на литературный или общекультурный факт, входящий в тезаурус и автора, и читателя» [5, 84]. Аллюзии зачастую отсылают к общеизвестным фактам. Идентификация аллюзии в тексте зависит от интертекстуальной компетенции читателя.

Б. Акунин часто использует не прямую аллюзию, а отбирает литературно окрашенный и узнаваемый материал. Так, например, в «Любовнике Смерти» мы угадываем горьковское «дно», перекликающееся с лесковским. Чарующая красота женщины привораживает героя (цыганка Грушенька у Н. Лескова в «Очарованном страннике» и женщина по прозвищу Смерть у Б. Акунина). Часто автор актуализирует интертекстуальную соотнесенность с претекстом на нескольких уровнях. Герой «Декоратора» маньяк Соцкий имеет литературного родственника – герой романа «Парфюмер» П. Зюскинда. Оба одержимы идеей власти и преобразования мира, цель одна – творить из вещей и людей эстетические объекты. Атмосфера «Декоратора» и подробности расчлененных тел на страницах дневника маньяка-убийцы – это еще и аллюзия на книгу

П. Акройда «Процесс Элизабет Кри». Заголовок «Пиковый валет» – частичная трансформация пушкинского заглавия «Пиковая дама».

Аллюзии в форме имен собственных, – имена героев произведений, наиболее узнаваемы. Имена главных героев «Азазеля» Эраст и Лиза – аллюзия на повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза», героиня «Любовницы смерти» Маша Миронова – аллюзия на героиню А.С. Пушкина из «Капитанской дочки».

Источником аллюзивного факта в «Алмазной колеснице», персонажа японского разведчика, скрывающегося под именем Рыбникова, является рассказ А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников». Здесь Б. Акунин использует такой прием, как текст-вкрапление. Начало обоих произведений абсолютно идентично: *«В тот день, когда ужасный разгром русского флота у острова Цусима приближался к концу <...> штабс-капитан Рыбников, живший в безымянном переулке на песках, получил следующую телеграмму из Иркутска: «Вышлите немедленно листы следите за больным уплатите расходы» <...> оделся, вышел из дому и больше уж никогда туда не возвращался».*

Прием текста в тексте Б. Акунин использовал и в романе «Внеклассное чтение». Концовки глав одного текста, рассказывающего о событиях в современной Москве, со всеми реалиями современного быта, лексически совмещаются (лексический повтор) с началом глав другого текста, посвященного событиям эпохи Екатерины Великой. В результате, несмотря на существование двух параллельно развивающихся сюжетов, граница между реальностью и ирреальностью размывается, устраняется временное смещение, события как бы совмещаются на одной плоскости и плавно перетекают одно в другое.

Точечные аллюзии на «Мастера и Маргариту» М. Булгакова мы наблюдаем в «Азазеле». Например, в ночном визите Амалии к Эрасту мы угадываем визит зеленоглазой Геллы к финдиректору Римскому. Но Б. Акунин берет у М. Булгакова только фабулу, осознанно наполняя ее противоположными, контрастными описаниями, подчеркивая тем самым отличие одного визита от другого. У М. Булгакова Гелла *«голая девица»*, у

Б. Акунина Амалия *«была в белом кружевном пеньюаре»*, рука Геллы *«покрылась трупной зеленью»*, рука Амалии *«белая, вспыхивающая искорками»*, Римский видел *«пятна тления на ее груди»*, у Амалии *«на груди расплылось кровавое пятно»*. Амалия вошла в дверь, как человек (*«на пороге стояла Амалия»*), Гелла попала в комнату через окно, как нечистая сила (*«всунула рыжую голову в форточку»*). Мы назвали этот прием «контрастной аллюзией» — такой тип аллюзии, при котором в тексте присутствует отсылка к «предметной ситуации других текстов», но внутри этой ситуации создаются противоположные или контрастные описания.

Другим проявлением интертекстуальности является цитата (см. об этом [4]). При этом автор использует не только цитаты из литературных произведений, но и из публицистики. Б. Акунин вводит в свои произведения журналистские реалии для создания особенного «пространства-времени» — хронотопа в художественном мире. С помощью газетных заметок в романах *«Азазель»*, *«Особые поручения»*, *«Левиафан»*, *«Турецкий гамбит»* и других автор интерпретирует картину действительности конца XIX в. За счет интертекстуальности, связанной с журналистикой царской эпохи, Б. Акунину удастся создать не просто правдоподобную картину, но и убедить читателя в правдивости многих фактов, которые на самом деле являются лишь авторским вымыслом.

Таким образом, «интертекстуальные включения, благодаря контакту «своего» и «чужого», создают условия для сущностных (как смысловых, так и структурных) трансформаций текста <...> Текст в тексте способен подчеркнуть или проявить доминантные смыслы основного текста, открыть иной смысл, рожденный в результате наложения смыслов, а также создать разные уровни восприятия текста в целом» [2, 154-155].

Кроме интертекстуальности, творчество Б. Акунина отличает мощный поток стилизации, созданной лексическими (историзмы, архаизмы, экзотизмы, макароническая речь, жаргонизмы, описания одежды, быта и т.д.), стилистическими (прямая и несобственно-прямая речь, цитаты),

изобразительно-выразительными (тропы и фигуры) средствами. При этом стилистическим ориентиром для Б. Акунина, несомненно, была и остается русская классическая литература.

Применение стилизации определяется интенциями автора, направленными на воссоздание духа, атмосферы XIX века. Специфическое переплетение различных стилей речи является важным маркером художественного стиля Б. Акунина: с одной стороны, слова высокого слога – *первопрестольная, почтеннейший, сюзерен, всемерное содействие, страждущие, ваш покорный слуга, воссоединиться, изливаются* (лучи), а с другой – жаргонная лексика Хитровки: *фря, краля, мамзельки, шарабан, пялься да меру знай, жрать, ухи, маруха, харя, кутузка, тырить, бомбить, кобелить, вакситься, трёшница*; просторечные языковые средства: *потрюхал, Замухранск, плутает, проводят, энтим*. Разговорные языковые средства, выражающие фамильярность, презрение, пренебрежение: *мракобес и инакоборец, держиморд, подлец и иуда, психопатка, дура-горничная, идиотские вопросы, остолоп, верзила и др.*, — говорят о негативной авторской оценке и применяются для создания словесного портрета, реалистического изображения быта определенной социальной среды, в некоторых случаях — для достижения комического эффекта. Для яркой характеристики персонажей автор использует прием контраста, где «высокий стиль» соседствует с просторечной или откровенно ироничной лексикой: *«уставился на свою духовную дочь», «гадливо скривившись», «чудодейственно спасенная», «физиономия чадолюбца»*.

Еще одним маркером особого, узнаваемого стиля Б. Акунина являются тропы. Метафоры у него преимущественно ироничны: *съест у него вдова Лисицына четверть часа, если не больше; коллекция «интересных людей»; пленил бесшабашной дерзостью; принялась плести кружева издалека; деловито шлепавшего лопастьями; пароход рыскал носом*. Целый ряд метафор выполняет функцию негативной оценки реальности: *заискрились злыми огоньками; взглядом, который горел неистовой, испепеляющей ненавистью;*

рыжая голова сейчас разлетится на скорлупки. Редкие динамические метафоры «подстегивают» движение авантюрного сюжета.

Динамизации повествования способствует также использование Б. Акуниным броских, запоминающихся эпитетов, в том числе сложных и эпитетов-композиций, заменяющих объемные описания: *миндалевидные, суелюбопытную, серебристо-молочный, худосочного, тошнотворный, красномордый, густобровый, черноокою, долговязый.*

Иронический характер повествованию придают и фразеологизмы: *согнулся в три погибели, прижимаясь к самой земле; добычу в какие-то несусветные дали, на самый край света; ни жива ни мертва – и от радости, и, конечно, от страха* и другие.

К стилеобразующим средствам относятся также колоративы. Основные цвета у Б. Акунина мрачные — *черный, серый, синий, фиолетовый*, по структуре многие цветообозначения сложные — *темно-серый, сине-серый, пепельно-серый, серебристо-молочный*, редко *золотисто-розовый* и *радостно-синий*, довольно часто, как вкрапления, упоминаются резкие, яркие цвета, но с негативной экспрессией — *ядовито-зеленый, с хищными красными.....* Это создает эффект многослойности, объемности цветовой картины и в то же время формирует особый эмоциональный фон, на котором разворачивается сюжет.

В текстах романов Б. Акунина «Приключения Эраста Фандорина» чрезвычайно употребителен прием введения неавторизованной информации, который исследован в диссертации Е.В. Осетровой [6]. *Рассказывали, что мастера древности умели совершать «Полет ястреба» со стен высотой в сто сажу, то есть пятнадцать саженей, но Эраст Петрович этому не верил (Статский советник). Про Князя Сенька, само собой, слышал <...> Про Князя кто ж не слышал? <...> На рынках про него говорят, в газетах пишут (Любовник Смерти); В результате по этажу мигом разнесся слух, что в двадцатом остановилась китайская принцесса на сносях и будто бы даже уже рождает (Смерть Ахиллеса). Фрол Григорьевич, невзирая на скромное свое положение, почитался в древнем городе особой влиятельной и в некотором*

смысле даже всемогущей (Декоратор). В приведенных фрагментах маркерами неавторизованной информации являются соответствующие предикаты: рассказывали, говорят, пишут, разнёсся (слух), почитался. В текстах встречаются и другие маркеры неопределенности: есть информация, по неподтвержденным данным, источник сообщил.

Подводя итоги нашему краткому описанию основных стилеобразующих средств в творчестве Б. Акунина, отметим, что для его стиля характерна интертекстуальность, как и для всей миддл-литературы, но характер этой интертекстуальности особый — это не просто отсылка к претекстам или ссылка на них, а игра с «чужим» текстом и, конечно, с читателем с целью воссоздания атмосферы действительности конца XIX в., «погружения» читателя в эту атмосферу. Такая игра приводит к созданию многоуровневости текстов, специфическому переплетению различных стилей, при этом стилизация прошлого происходит без резкого отрыва от живого языка.

Механизмы и средства интертекстуальности и стилизации в произведениях Б. Акунина, а также их языковая реализация требуют дальнейшего глубокого и тщательного исследования, что и является перспективой нашей работы.

Литература

1. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 369-372.
2. Валгина Н.С. Теория текста. Учебное пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – с.154.
3. Данилкин Л. Любовница смерти [Электронный ресурс] / Л. Данилкин — М.: 2007. – Режим доступа : <http://www.afisha.ru>.
4. Десятов В.В. Набоков и русские постмодернисты: Монография / В.В. Десятов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 360 с.
5. Новожилова К.Р. Стилистика повествовательного текста. Теоретические и исторические основы / К.Р. Новожилова. – СПб., 2007. – С. 84.

6. Осетрова Е.В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: автореферат дис. ... доктора фил. наук: 10.02.01 / Е.В. Осетрова – Красноярск, 2010 – 42 с.
7. Ранчин А. Романы Б. Акунина и классическая традиция: повествование в четырех главах с предуведомлением, лирическим отступлением и эпилогом [Электронный ресурс] / А. Ранчин // «НЛО» – 2004. – №67. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67>.
8. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – М.: 2007. – 282 с.
9. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие / В.Е. Чернявская В.Е. – М.: 2009. – 248 с.
10. Урусиков, Д.С. Грамматология. Т.1: Нарратология / Д.С. Урусиков. – Версия 1.0. – Липецк: Типография «Липецк-Плюс», 2009. – С. 139-140.
11. Чупринин С. Звоном щита [Электронный ресурс] / С. Чупринин // Знамя. – 2004. – №11. – Режимдоступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/red/chupr/book/midllit121.html>.